

КАТЕГОРИЗАЦИЯ СОБИРАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Живокина

Воронежский государственный университет

Статья представляет классификацию собирательных существительных английского языка, реализующих формулу N_1 of N_2 (где N_1 — собирательное существительное, а N_2 — существительное, называющее категоризируемые объекты). Делается попытка показать зависимость первого элемента этой формулы от характера второй ее составляющей. Таким образом, уточняется понятие “свободное сочетание слов”.

Материальный мир, окружающий человека, бесконечно многообразен. Наше мышление способно обобщать опыт, приобретаемый в процессе познания окружающей действительности, и осуществлять классификацию элементов этого многообразия.

Категории, как результат упорядочивания знаний, являются не только важной частью познавательного процесса, но и неотъемлемым компонентом изучения языка [12, 133]. Не случайно, сам термин “категория” произошел от греческого слова *kategoriein*, что значит “высказывать” [10, 204].

Как известно, учение о категориях уходит глубокими корнями в эпоху античности. Основоположник этого учения, Аристотель, обосновал существование целого ряда общих понятий, опираясь на семантический анализ языка. Этими общими понятиями были категории сущности, качества, отношения, места, времени, положения, состояния, действия, страдания, и среди них — категория количества [1]. К проблемам категорий обращались философы разных исторических эпох: в Средние века — Порфирий, Августин Блаженный, Фома Аквинский, в эпоху Возрождения — Лоренцо Вала, Л. Вивес, П. Рамус, в период Нового времени — И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, И. Г. Фихте и другие ученые [14, 15].

Тем не менее, считается, что учение о категориях восходит именно к Аристотелю, по мнению которого каждая категория характеризуется необходимыми и достаточными для ее опознания признаками, что ведет к равноправию ее членов, обладающих всегда одним и тем же набором категориальных свойств. Таким образом, утверждается, что границы категорий четко очерчены, принадлежность к категории базируется на принципе “истинно-ложно”, члены одной категории имеют

равный категориальный статус, а объекты разбиваются на непересекающиеся множества в зависимости от наличия или отсутствия некоторого признака [16, 22].

Однако со временем было выявлено, что аристотелевская трактовка категорий не всегда строго справедлива и что естественные категории не четко отграничены друг от друга. Большинство птиц летает, но не все; стул может быть деревянным, металлическим или пластмассовым, а количество ножек у него целиком зависит от прихоти конструктора [7]. Поэтому не всегда возможно без исключений перечислить свойства естественной категории.

Стремления развить подход к анализу систем, не поддающихся точному количественному анализу, послужили стимулом к созданию *теории нечетких множеств*, одним из разработчиков которой был известный логик и математик Л. Заде. На конкретных примерах Л. Заде наглядно продемонстрировал, что человеческая психика, процесс мышления и познание окружающей действительности имеют принципиально нечеткий характер. Находясь в плохо освещенной комнате, нам удастся распознавать лишь очертания предметов, и мы принимаем решения на основе неполной и нечеткой информации; при разговоре в шумном помещении нам с трудом удастся отфильтровывать важные для нас сообщения собеседника из общей какофонии. Осуществить парковку машины на одном и том же месте представляется невозможным, поэтому необходимо производить расчеты с точностью, скажем, до 10 см. Оценка информации, как одна из важных функций мышления человека, т. е. выбор из давящего на мозг разнообразия происходит на базе тех и только тех сведений, которые имеют отношение к анализируемой проблеме [8, 8]. Ученый предложил идею “модели нечеткости естественного языка”, так как нечеткость является неотъем-

емлемой частью функционирования всех реальных систем [18].

В языке идея нечеткого множества находит свое отражение в категориях, обозначаемых именами совокупностей, к которым термин “понятия с нечеткими краями” можно удачно приложить. Классической объективацией такого рода понятия является анализируемое Л. Витгенштейном слово “игра”. Поскольку “игрой” можно назвать самые разнообразные по своему характеру способы времяпровождения (Олимпийские игры, игры в мяч, в шахматы, карточные игры), ученый пришел к выводу, что понятию “игра вообще” невозможно дать точное определение. “Как же ограничено понятие игры?” — задает вопрос философ. — “Что еще является игрой, а что — уже не есть игра? Можешь ли ты указать границы? Нет. Ты можешь лишь провести их: ведь еще никаких границ не проведено” [6, 109]. Нечеткие понятия, по мнению исследователя, объединяются по “*фамильному сходству*”, с включением в общий список все новые виды игр, напоминающие уже известные, по аналогии с портретным сходством, которое прослеживается в членах одной и той же семьи.

Идея фамильного или семейного сходства хорошо согласуется с исследованиями с позиций теории прототипов. У. Лабов изучал языковую категоризацию предметов домашней утвари в ранжире от чашки до других емкостей, конфигурационно и функционально далеких от чашки. В проведенном им эксперименте информантам предъявлялись 19 изображений сосудов, и оказалось, что границы между словами *cup* и *bowl*, а также между словами *cup* и *glass* весьма “размыты” [12, 138]. Б. Берлин и П. Кей показали, что, несмотря на различия цветоименований в 98 исследуемых языках и индивидуальные особенности зрительного восприятия членов одного языкового сообщества, категоризация соответствующих номинаций основывалась на “фокальных” (центральных) единицах. Э. Рош, оперируя понятием “категория” как иерархически структурированной группой слов, выдвигает тезис о том, что любой категории присуща внутренняя структура с центром и периферией. В сознании человека вокруг центра — *прототипа* — члены категории группируются таким образом, что одни из них оказываются психологически более выделенными, чем другие в силу объективных причин (онтологических отношений, не зависящих от нашего сознания). Тем не менее, структурированность категорий не имеет жесткую форму выражения. В расчет берутся не только

объективно значимые признаки, но и знания индивидов о внешнем мире. Внутренняя структура когнитивных категорий, по мнению Э. Рош, состоит из “*семейных отношений*”, о которых говорил Л. Витгенштейн.

А. Вежбицкая считает, что опираться на прототип в каждом конкретном случае нецелесообразно. По ее мнению, в условиях реальной жизни вполне можно дать исчерпывающее определение и слову “чашка”, и слову “игра”. Необходимо найти компромисс между “классическим подходом” и “прототипическим” и говорить о необходимости синтеза двух традиций, а не об их противопоставлении друг другу. По словам А. Вежбицкой, и “прототип”, и “инвариант” могут помочь “построить лучшие, более глубокие определения, ориентированные на человеческую концептуализацию реальности, которая отражена и воплощена в языке” [5, 226].

Одно дело — говорить о категоризации имен конкретных предметов, и другое — проводить аналогичные исследования в сфере номинаций со значением неопределенного количества.

Предметом внимания настоящей статьи выступает категоризация объектов, поименованных английскими собирательными существительными, которой, как правило, соответствует двухкомпонентная модель N_1 of N_2 (где N_1 — собирательное существительное, а N_2 — существительные, называющие объект, подвергаемый категоризации). Говоря о модели в целом, нас будет, прежде всего, интересовать ее первый компонент.

По словарю Е. С. Бруэра *The Dictionary of Phrase and Fable*, номинативные словосочетания данного типа объединяются под рубрикой *Numbers* в значении “множества тех или иных однородных предметов”. Таким образом, *Numbers* — это термин чрезвычайно широкой семантики, представляющий собой суперординантную категорию (от лат. *ordinates* — “упорядоченный”, “расставленный в известном порядке”), тогда как в субординантных (т. е. подчиненных) позициях оказываются члены этой категории. Каждый член сохраняет признаки, присущие суперординантной категории, обладая при этом набором собственных отличительных признаков [17, 94—95]. Иными словами, речь идет о существовании некоего инварианта и вариантов, иначе — концептуальных сущностей, включаемых в состав категории *Numbers*.

Вместе с тем, как показывает анализ конкретного материала, концепты, формирующие данную категорию, трудно или, скорее, невозможно организовать вокруг прототипического ядра, так как

они не выстраиваются по принципу приближения или удаления от центра категории (в духе экспериментальных данных Э. Рош) — они на равных правах включаются в категорию собирательности, хотя, как будет показано ниже, структурно отличаются друг от друга. В соответствии с этим, в нашей работе собирательные существительные, реализующие модель N_1 of N_2 , подразделяются на три группы.

К **первой** выделяемой нами **группе** относятся имена совокупностей, обозначающие множество одушевленных объектов, когда отмеченный выше принцип выбора собирательных существительных проявляется в наиболее отчетливом виде.

В этой связи любопытно вспомнить о существовании экзотических «вспомогательных множеств», которыми когда-то оперировали туземцы. Выбор имен этих множеств различался в зависимости от того, нужно ли объединять в одно множество и подвергать счету животных, дни, длинные или круглые объекты. До сих пор «вспомогательными множествами» пользуются колумбийские, североамериканские индейцы, а также обитатели островов Фиджи [9, 216]. Мы называли «вспомогательные множества», которыми оперируют аборигены, экзотическими, но нечто подобное наблюдаем и в номинациях совокупностей, объединяемых нами в первую группу интересующих нас слов.

В современном английском языке есть собирательные существительные, семантика которых продиктована характером объектов окружающей действительности или отношениями между ними.

Эта тенденция была прослежена еще в 15 веке настоятельницей женского монастыря, Джулианой Бернерс, которая писала, что способ словарных обозначений объектов, разных по своей природе, будет также различным: стая голубей — *a flight of doves*, рой пчел — *a slewthe of beeres*, стадо гусей — *a gagle of geys*, скопление людей — *a congregacyon of people*, толпа мужчин — *a hoost of men*, компания дам — *a bevy of ladyes*, товарищество фермеров — *a felyshyppyng of jomen*, братство священников — *a pontificalitye of prestys* и др. [19, 869—870].

Вторя этому, словарь Funk and Wagnalls Standard Desk Dictionary указывает, что совокупность птиц и млекопитающих небольшого размера обозначается существительным *flock*. Для названия особей крупного рогатого скота используется лексема *herd*. Животные, собранные для перевозки, объединяются именем *drove*. Далее словарь приводит список собирательных имен, сочетаемость

возможности которых весьма ограничены: стая перепелов — *a bevy of quail*, стая куропаток — *a covey of partridges*, стадо гусей — *a gaggle of geese*, косяк китов — *a gam of whales*, свора собак или волков — *a pack of dogs or wolves*, стая львов — *a pride of lions*, рой пчел — *a swarm of bees* [20, 244].

Ср. с русским: овцы — отара, коровы — стадо.

Если сто бегунов как один бегун,
это можно назвать так и сяк,
У лошадей это будет **табун**,
у рыб это будет **косяк**.

Машина Времени “Кошка”

Таким же образом, лексема SKEIN используется для обозначения стаи гусей, принимающих форму линии во время перелетов; существительное STUD применяется для наименования совокупности животных (особенно лошадей), которых содержат с целью разведения; собирательное существительное LITTER обозначает группу детенышей какого-либо животного. Слово CONGREGATION соотносимо с объединением верующих для молитвы и не подходит для названия любого другого человеческого коллектива; TEAM — это команда игроков; CREW — экипаж корабля и т. д.

Прежде, чем продолжить анализ существительных данной группы, необходимо небольшое теоретическое отступление. Выше указывалось, что собирательные существительные, объективируемые моделью N_1 of N_2 , имеют равный статус относительно друг друга, поэтому прототипический подход, предусматривающий наличие “лучшего образца” в рамках категории (по Э. Рош), в случае с изучаемыми нами абстрактными существительными “не работает”. Однако, термин “прототип” неоднозначен, он имеет несколько интерпретаций. Одна из них предусматривает перенос свойства, принимаемого за типичное в одном предмете, на другой предмет, который называется именем первого [11, 142]. В этом смысле мы и говорим о прототипах, усматривая прототипичность в тех ситуациях, когда те же самые собирательные существительные используются для обозначения совокупностей “перекрестным” образом: имена скопления животных могут переноситься на объединения людей, и наоборот, существительные, обозначающие различные коллективы людей, могут указывать на группы животных, моделируя при этом характерные свойства исходной совокупности.

Существительное FLOCK обозначает стаю птиц, отару овец или стадо коз. Однако, значение

этой лексемы также переносится на группу людей и объекты неживой природы: *a noisy flock of tourists / a flock of barges*: скопление туристов, когда они беспомощно толпятся без экскурсовода, в определенном смысле можно сопоставить со стадом животных; группа проплывающих барж имеет некоторое подобие стае пролетающих птиц.

Лексема *PACK*, называя совокупность животных, выходящих вместе на охоту, также применима к группе людей, совместно проводящих время (*a ferocious pack of wolves / a pack of thieves, kids*).

A TROOP of soldiers означает отряд солдат, *A TROOP of bees* — пчелиный рой.

Во второй раздел собирательных существительных включаются лексемы, в плане содержания которых реализуется *схема*, “считывающая” способ организации элементов в рамках определенной совокупности, в отличие от *первой группы*, где была важна природа элементов. Каждую “схему”, диктующую определенный способ организации элементов в совокупность, можно также считать прототипом, по образу и подобию которого любые совокупности, имеющие данный способ организации, могут подводиться под соответствующие рубрики.

Собирательные существительные *CLUMP*, *CLUSTER*, *CLUTCH*, *HUDDLE* формируют одну подгруппу, так как обозначают совокупность предметов, *расположенных близко друг к другу*. Вторую подгруппу составляют лексемы *SCATTERING*, *SCATTER*, *SPRINKLING*, представляющие небольшое количество предметов, *рассеянных на некотором пространстве*.

Существительное *CLUMP* объединяет несколько рядом растущих деревьев или других скученно расположенных растений (*a clump of beech trees / a clump of bushes / snowdrops*).

Лексема *CLUSTER* именует растения, которые не просто произрастают рядом, независимо друг от друга, а имеют в своей конфигурации общее начало и разветвляются к концу, напоминая гроздь, связку, или группу объектов, расположенных вблизи друг от друга, при этом они выстраиваются вокруг какого-нибудь центра: *... a cluster of mopeds around the door of the bar opposite. / ... a cluster of teeth around a central sucker*.

Отличительная особенность существительного *HUDDLE* — в том, что оно соотносится с небольшим неорганизованным объединением людей, скученных в группу.

Использование слова *CLUTCH* часто подразумевает то, что несколько тех или иных предметов

можно взять двумя руками. Это означает, что их не может быть много: *He came back with a clutch of drinks*.

Существительное *SCATTERING* открывает вторую подгруппу существительных, обозначающих ряд объектов, которые рассредоточены по большой территории, причем контексты часто указывают на то, что площадь, на которой они разбросаны, велика (*... Cramlington was a scattering of farms*).

Собирательное имя *SCATTER* называет совокупность объектов, разбросанных на небольшой территории неупорядоченным образом.

Есть особые слова для номинации предметов, в которых заложены определенные характеристики *протяженности в пространстве и времени* (*LINE*, *ROW*, *SERIES*, *SEQUENCE*).

Существительные *LINE* и *ROW* обозначают последовательность объектов в пространстве, основная масса которых может в равной мере именоваться этими лексемами: горная цепь (*a line of low hills / a row of sharp, jutting, foamy peaks*), ряд зданий (*a line of shops and cafes / a row of cottages*), аллея деревьев (*a line of stunted alders / a row of severely pollarded willow trees*) и т. д. Однако, линии продаж, строки текста (несмотря на то, что буквы в строке располагаются в ряд), абстрактные понятия обозначаются только существительным *LINE*, а предметы мебели, домашней утвари, элементы шитья объединяются лексемой *ROW*.

Объекты-референты собирательных существительных *SERIES* и *SEQUENCE* имеют “событийную” природу, т. е. называют последовательность предметов не на плоскости, а в пределах какого-то промежутка времени, причем, если “вереница” определенных событий некоторым образом структурирована или имеет свой порядок, то ее названием будет служить *SEQUENCE*. При произвольной последовательности событий, где порядок нерелевантен, используется лексема *SERIES*.

Когда предметы *располагаются вертикально*, для них имеются специальные обозначения в виде собирательных существительных *PILE* и *STACK*, которые очень близки по семантике. Слово *STACK* обозначает совокупность предметов, аккуратно сложенных один на другой, а *PILE* — наваленных друг на друга предметов, образующих горку с пологими сторонами (*a pile of rubbish / leaves / earth*). Интересно, что, в значении слова *PILE* наблюдается явление энантиосемии — совмещении противоположных значений. Так, оно может обозначать как вертикальное нагромождение предметов (*a pile of*

coins / books / cards / clean sheets), так и беспорядочную кучу предметов (*a pile of old magazines / dirty pots / bones / crumbs*), что связывает это понятие со следующей подгруппой.

За собирательными существительными HEAR, MOUND стоят совокупности объектов, расположенных вертикально, но хаотично относительно друг друга, семантически переключаясь с PILE.

По способу организации предметы могут быть **технически (физически) связаны**, и в этом случае для такой группы существуют специальные наименования: BUNDLE, BUNCH, SHEAF, WAD.

Существительное BUNCH обозначает фрукты, которые растут гроздьями (*a bunch of grapes / bananas*). Такая организация, предусмотренная природой, нашла свое выражение в виде обозначения букета цветов (*a bunch of roses / violets*), а также предметов, которые образуют связку (*a bunch of keys*).

В контекстах с собирательными именами BUNDLE и SHEAF подчеркивается их отличительная особенность — связанность объектов для их более эффективного хранения, переносе или передачи: *...grasped his wrist and pressed a bundle of folded money into his palm / ... Mungo noticed a sheaf of books tied with string...* Отличие этих двух слов друг от друга состоит в том, что сфера референции SHEAF более ограничена, и обозначает в основном совокупность связанных бумаг (*a sheaf of exhibition papers / sketches / photographs / air tickets / bank statements*).

Существительное BUNDLE, кроме связки бумаг и документов, может называть пачку денег (*a bundle of banknotes / Russian paper money / dollars*), связку одежды (*a bundle of checked cloth / coats / used clothing / bedclothes*) и прочие объекты, которые приходится связывать (*a bundle of tiny packages / old rags / wet straw / pop goodies*).

Существительное WAD имеет тесную семантическую связь с BUNDLE и SHEAF, но обозначает, как правило, мелкие предметы, помещающиеся в ладони: *a wad of cotton-wool / chewing gum / tobacco / tissue paper / visiting cards*.

Следующая группа охватывает такие имена совокупностей, в значении которых на первый план выступает **манера, согласно которой человек оперирует множеством** — COLLECTION, SET, BATCH.

Третья группа представлена словами, в семантике которых инкорпорируется общая идея “многого, как целого”. К данной группе можно отнести такие лексемы английского языка, как GROUP,

GATHERING, ASSEMBLY, ASSEMBLAGE, AGGLOMERATION, CONGLOMERATION, ACCUMULATION, BACKLOG, MULTIPLICITY, CORPUS, MASS, MULTITUDE, WEALTH, LOAD.

Существительное MULTITUDE обладает самой широкой референциальной базой (a very large number of things or people): им номинируются денотаты самой разной природы: люди, идеи, предметы и т. п., при условии, что их достаточно много, хотя, как нам представляется, семантика этих собирательных существительных уже определяется характером соответствующим образом названных совокупностей.

Существительное ASSEMBLY — это собрание людей с целью обсуждения политических вопросов, проведения религиозных встреч, организации развлекательных мероприятий.

Слово MASS соотносится с большой “бесформенной” совокупностью, что отражается на уровне его сочетания с такими существительными, как кудряшки (*curls*), тучки (*clouds*), камни (*rocks*), и теми другими, соответствующие денотаты которых воспринимаются в виде неупорядоченной массы. С собирательным именем MASS может быть выстроен целый ряд наименований сильных чувств и эмоций людей. Действительно, это слово способно передавать сгусток определенных душевных переживаний человека: *a mass of agitation, a mass of fear, anxiety and utter depression, a mass of seething hate*.

Анализируя существительные под перечисленными выше рубриками, нельзя не обратить внимание на проблему сочетаемости. Последние примеры по духу близки идеям работы Н. Г. Мед, в которой подверглись анализу такие номинативные группы испанского языка, как *la mar de libros* (куча — букв. “море” книг), *una nube de fotografos* (тьма — букв. “облако” фотографов), *un tonel de apellidos* (множество — букв. “бочка” фамилий) [13] и исследованиям Н. Н. Бочкаревой подобных квантитативных словосочетаний в английском языке: *a swarm of legends, a flight of words, a stream of people* [3], [4]. Действительно, причина возникновения образных выражений заключается в существовании “скрытых” категорий или криптоклассов, объясняющих сочетание в принципе несочетающихся языковых единиц. Как пишут авторы “Теории языковой категоризации” О. О. Борискина и А. А. Кретов, “метафорические связи позволяют преодолеть дискретность лексико-семантической системы и связывать порою весьма далекие участки семантического пространства” [2, 139].

Таким образом, можно прийти к важному, на наш взгляд, выводу. С одной стороны, категория собирательности — это категория с нечеткими, размытыми краями. С другой — разум человека стремится к тому, чтобы с помощью дискретных языковых знаков “схватить” особенности той или иной совокупности, поименовать ее отдельным словом, и, следовательно, сделать абстрактное конкретным.

Прототипический характер собирательных имен проявляется в том, что некоторые из них проецируются на другие объекты, обладающие набором сходных признаков. В этих случаях осознанное подобие воплощается в метафорических номинациях, образность которых “выветрена” или фактически равна нулю. Отличительной особенностью ряда существительных служит схематическая организация элементов в совокупность, в которой свойство прототипа также проявляется в образовании переносных значений.

Думается, что наша работа служит основой для уточнения понятия “свободные сочетания слов”, доказывая, что они не являются абсолютно свободными, что, естественно, необходимо учитывать в процессе преподавания английского языка как иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Категории / Аристотель. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939.

1. *Борискина О. О., Кретов А. А.* Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. — 211 с.

2. *Бочкарева Н. Н.* О некоторых структурных и семантических особенностях квантитативных словосочетаний типа «N₁ of N₂» в современном английском языке / Н. Н. Бочкарева // Типологическое сопоставление семантических классов знаменательных слов и их валентностных признаков в английском, немецком, французском и русском языках — Смоленск, 1973. С. 49—63.

3. *Бочкарева Н. Н.* О некоторых системных предпосылках реализации значения «количество» у существительных в современном английском языке / Н. Н. Бочкарева // Типологическое сопоставление семантических

классов знаменательных слов и их валентностных признаков в английском, немецком, французском и русском языках — Смоленск, 1973. С. 64—80.

4. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1997.

5. *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. — С. 79—128.

6. *Гради Б.* Объектно-ориентированный анализ и проектирование / Б. Гради. Глава 4. Классификация. <http://www.nexus.odessa.ua/files/books/booch/ch11.htm>

7. *Заде Л. А.* Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений / Л. А. Заде // Математика сегодня. № 7. М.: Знание, 1974. С. 5 — 49.

8. *Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс — М.: Прогресс, 1983.

9. Краткая философская энциклопедия — М.: ПРОГРЕСС, 1994. — 575 с.

10. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996.

11. *Лабов У.* Структура денотативных значений / У. Лабов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. — М., Прогресс, 1983. С. 133—176.

12. *Мед Н. Г.* Количественная оценка в лексике и фразеологии испанской разговорной речи / Н. Г. Мед // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Индрик, 2005. С. 440—447.

13. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. II. — М.: Мысль, 2001. — 640 с.

14. *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.

15. *Kleiber G.* La semantique du prototype: Categories et le sens lexical / G. Kleiber — Paris, 1990.

16. *Knowledge, Concepts and Categories*, ed. by K. Lamberts and D. Shanks: Psychology Press, 1997.

17. What is fuzzy logic? <http://www.csa.ru/ai/faq/kantrowitz/fuzzy/faq.html>

18. *Brewer E. C.* The Dictionary of Phrase and Fable / E. C. Brewer. — Galley Press, 1324 p.

19. *Funk and Wagnalls Standard Desk Dictionary: A company of the Dun & Bradstreet Corporation: Funk and Wagnalls, USA, 1983. — 878 p.*